

Будь я Ротшильд...

– Будь я Ротшильд..., – размечтался касриловский меламед однажды в четверг, когда жена потребовала денег, чтобы справить субботу, а у него их не было. – Эх, если бы я был Ротшильдом! Угадайте, что бы я сделал? Первым делом я завёл бы обычай, чтобы жена всегда имела при себе трёшницу и не морочила голову каждый раз, когда наступает долгожданный четверг, а субботу отпраздновать не на что... Во-вторых, я бы выкупил субботний сюртук... Впрочем, нет! Кошачий бурнус для жены: пускай перестанет долбить, что ей холодно! Затем я приобрету весь этот дом, со всеми тремя комнатами, с клетушкой, с чуланом, с погребом, с чердаком, со всей прочей дребеденью: пусть она не говорит, что ей тесно. Вот тебе две комнаты – стряпай себе, пеки, шинкуй, стирай, делай что хочешь, а меня оставь в покое, чтобы я мог заниматься с моими учениками на свежую голову! Нет заботы о заработке, не надо думать, откуда бы взять на субботу – благодать, да и только! Дочерей бы всех повыдавал – долой обузу с плеч. Чего мне ещё надо? Вот я и начинаю подумывать о городских делах.

Перво-наперво, жертвую старой синагоге новую крышу, пусть не каплет на голову, когда люди молятся. Баню, не будь рядом помянута, я перестраиваю наново, потому что не сегодня-завтра там неизбежно, упаси Б-г, беда приключится, да ещё, чего доброго, как раз, когда женщины моются. А коль скоро баню, богадельню и давно развалить надо и поставить на её месте больницу, самую, что называется, настоящую – с койками, с доктором, с лекарствами, с бульоном каждый день для больных, как водится в порядочных городах.

Затем я строю приют для престарелых, чтобы старики, знатоки Талмуда, не валялись в молельне за печью. Создаю общество „Одежду – нагим“, чтобы дети бедняков не бегали, извините за выражение, с голыми пупками, и благотворительное ссудное товарищество, чтобы человек, будь он меламед или ремесленник, или даже торговец, не должен был платить процентов, не должен был закладывать последнюю рубаху.

Учреждаю общество „Призрение невест“, дабы люди любую засидевшуюся в девушках из бедных приодели как следует и выдали замуж, и ещё тому подобные общества завожу я у нас в Касриловке...

Впрочем, почему только в Касриловке? Всюду, где живут наши братья, евреи, основываю я такие общества – везде, по всему свету!

А для порядка, чтобы всё шло чин чинком, я, знаете, что сделаю? Назначаю над всеми обществами одно большое благотворительное общество, которое наблюдает за всеми остальными, заботится обо всех евреях, то есть обо всём народе, чтобы люди везде имели заработок, жили в дружбе, сидели бы по ешивам и изучали Танах с толкованиями, Талмуд с комментариями, с добавлениями и всякой прочей премудростью, все на свете языки...

А надо всеми ешивами была бы главная ешива – еврейская академия – в Вильне, разумеется... Отсюда должны выходить величайшие в мире учёные и мудрецы – и всё это бесплатно, „за счёт богача“, на мои средства то есть, и чтобы всё велось по плану, по порядку, чтобы не было никакого „ты-мне-я-тебе-хап-лап“, пусть у всех будет одна только забота – общее благо!..

А что нужно для того, чтобы люди думали об общем благе? Для этого надо обеспечить каждого в отдельности. А чем обеспечить? Разумеется, заработком. Потому что заработок – это, знаете ли, самое главное! Без заработка не может быть и дружбы. Из-за куска хлеба, прости Г-споди, люди готовы друг друга извести, зарезать, отравить, повесить!.. Даже враги наши, зложелатели на всём свете, чего, думаете, они от нас хотят? Ничего. Всё из-за зара-

ботка. Были бы у них дела получше, они бы вовсе так не свирепствовали. Погоня за достатком приводит к зависти, зависть – к вражде, а отсюда берутся, оборони Б-же, все несчастья, все горести, преследования, убийства, зверства, войны.

Ох, войны, войны! Это, я скажу вам, зарез для всего мира! Будь я Ротшильд, я положил бы конец войнам, раз и навсегда!

Вы, пожалуй, спросите, каким образом? Только при помощи денег. А именно? Сейчас объясню толком.

Два государства, к примеру, спорят из-за пустяков, из-за клочка земли, который и понюшки табаку не стоит. У них это называется „территорией”. Одно государство говорит, что территория принадлежит ему, а второе заявляет: „Нет, Это моя территория!” С самого начала, что называется, с сотворения мира Г-сподь Б-г создал эту землю по Своей милости. Но тут приходит третье государство и говорит: „Оба вы ослы! Эта территория принадлежит всем, она, так сказать, достояние многих...” Словом, территория сюда, территория туда – „территория” до тех пор, пока не начнут палить из ружей и пушек, люди режут друг друга, как ягнят, кровь льётся, как вода.

Но представьте себе, что я в самом начале являюсь к ним и говорю: „Тише, братцы, дозвоьте слово молвить. Из-за чего у вас, собственно, спор идёт? Думаете, мы не понимаем, чего вы хотите? Ведь вам не тары-бары, вам галушки подавай! Территория – это ведь только предлог! А главное для вас – то самое, „пети-мети”, контрибуция! А коль скоро речь зашла о контрибуции, к кому же обратиться за займом? Ко мне, к Ротшильду то есть. А я им: „Знаете, что? Вот тебе, долговязый англичанин в клетчатых штанах, миллиард! Вот тебе, глупый турок в красной феске, миллиард! А вот и тебе, тётя Рейзья, миллиард! В чём дело? Г-сподь поможет, уплатите мне с процентами, не с большими, упаси Б-г, – скажем, четыре-пять годовых, – не собираюсь я на вас наживаться...”

Понятно вам? Я и дело сделал, и люди перестают резать друг друга, точно скот, ни за что ни про что. А если войнам конец, тогда к чему оружие, войско, вся эта канитель, весь этот тарарам? Ни к чему! А если нет оружия, нет войска, нет тарарама – так ведь нет больше и вражды, нет зависти, нет больше ни турка, ни англичанина, ни француза, ни цыгана, ни еврея, скажем, – весь мир обретёт совсем другое обличие, как в Писании сказано: „И будет в тот день”, то есть в день пришествия Машиаха!..

А? А может быть... Будь я Ротшильд, я, может быть, вообще отменил бы деньги! Никаких денег! Потому что давайте не будем обманывать себя: что такое деньги? Ведь это, собственно, дело сговора, самообман. Взяли кусок бумаги, нарисовали на нём картинку и написали: „Три рубля серебром”. Деньги, говорю я вам, Это только соблазн, страсть, одна из пагубных страстей... Все за ними гонятся, и никто их не имеет... Но если бы денег вообще на свете не было, так ведь и дьяволу-искусителю нечего стало бы делать, да и от самой страсти ничего бы не осталось! Понимаете или не понимаете?

Только как же с этим-то? Возникает вопрос, откуда люди брали бы деньги, чтобы справить субботу? И ещё, позвольте, откуда мне сейчас взять на субботу?

Шолом-Алейхем